

И О С С Р А

АЛМАЗ ЧИСТОЙ СЛЕЗЫ
Х)
метафония: си-мажор- фиолетовая

Александр Назин - ленинградец. Родился в 1951 году. Образование - среднее. По профессии - журналист. Работал корреспондентом газет "Орский рабочий", "Красноярский рабочий" и в других газетах, на телевидении. Стихи пишет с ранних лет. Важными для себя считает сатиры "Хождение за три горя" /1973г./, книги "Иона" по библейским мотивам, "Пост" /1980г./. Журнал предлагает читателю из последнего сочинения А.А.Назина "Алмаз чистой слезы" две последние главы.

) Я обратился к Александру Назину с просьбой истолковать термин "метафония", - так он определил жанр своего стихотворного произведения. В качестве ответа он предложил "Транс-поэтический момент" и "Бечный завет" - тексты, которые помещены в частями его произведения, в журнале публикуемыми.

Хочу предложить толкование термина "метафония" как человеком сторонним. Мне кажется, метафония А.Назина - это попытка явить, что является духовно-культурным истоком своего творчества. Это, так сказать, обозначение с в я щ е н о г о в у л ь т у р е /в широком смысле/, как его А.Назин переживает. Явленное сохраняется в художественном и философском творчестве, - в продолжающемся творении культуры, - эта глубокая мысль принадлежит знаменитому протестантскому богослову П.Тиллиху -

публикацию глав из его работы "Протестантская эра" в этом жур-
нальном номере журнал продолжает.

В образной системе поэта культура, как религиозная струк-
тура, - это как бы алмаз, внутри которого человек живет. Но
эта культура - есть и "душа" поэта. Большое ДА - указывает на
медитативность этой "культурологической поэзии". К этому на-
правлению в ленинградской поэзии принадлежат В.Кривулин, А.
Миронов, А.Драгомошенко и др./. Можно указать на неожиданную
близость поэзии Назина, поэзии приподнятой и отважной, к поэ-
тике В.Уфлянда, для которого ~~журналистики~~ раешник стал инструментом
изъяснения с читателем. И в этом он не одинок.

Б.И.

Часть третья

КОГДА – НИКОГДА.

/трагедия/

Ложь –
оружие
массового
уничтожения.

Я – Человек, причина неосфера,
сентиментальный факт-себяубийца,
признавший, что мгновенье Милосердия
безбрежней Яви и бесценней жизни.

Я – Человек, Вселенная в себе.
И только я, как мыслящая вошь,
осознаю на гребешке Вселенной,
что в гниде жизни был намного больше.
Я – человек! Все люди мы –
на теле Истины симптомами чумы.

Когда весна в испарине росы
черемухой обильно обмирает,
одно лишь слово брошу на весы –
и содрогнется Явь во всех мирах.
Но слово это я кладу в карман –
потом зашью, чтобы никто не выкрад –
и с тем продолжу свой метаобман
нечаянный, как петушиный выкрик.

Мир создан нами из идей немногих.
Но среди всех сомнительных идей
всего одна обман великий множит:
что сущее творится для людей.
Вот так и я наивно полагал,
что ни в стихе, ни в жизни не солгал.
Когда весна, и ты еще любим,

И друг на берегу костер разводит,
и дети моют рыбу — мир един:
кому — Аллах, кому — почетный орден.
Тогда душа твоя равна всему,
а все законы физики — ничто;
читатель милый, твоему уму
даю я фору — назови "мечтой".
Слова текут, но словно от воды
от них, что хочешь, то и отразится;
слова смывают автора следы:
взгляни — и ты собою поразишься.
А если будет чуточку противно,
останься умным, но сопи потище.
Когда вода реки так холодна,
Как в устье Ладожки в конце апреля,
и зелены глаза ее без дна
русалочки, но, в сущности, добре,
когда спешит порывами волна,
черемухи срывая отраженье,
со дна событий выпливает Она,
в сияющей метафоре строжея.
Своя среди стихов небытия,
зеленою бликуя наготову,
Она великие события
явит, если душа готова.
Лель для любви русалку выбираст —
и счастлива Она, что умирает,
когда же ты не Лель, а просто князь,
и если для утешы что-то стоишь,
читай мои пророчества смеясь,
но все равно когда-нибудь утонешь.
В тоске, в тюрьме, во сне ли городском
утопшие, увы, неизлечимы;
они уходят в нетевой раскол,
но от живых почти неотличимы.
Природа делит нас таинственно,

как берег, на живых и охладевших.
Откуда ты, читатель-атеист?
Не знаешь? Значит надо оглядеться.
Плыешь? И все плывет? Оттуда значит.
Стоишь? Ну... по тебе оттуда плачут.
Когда русалка старо-ладожан
холодная от яви волхованья
зовет на дне немножко полежать,
аж заболит от сказки голова,
то самолетик быстро оранжая
поля и нас, зачешется в ушах,
чтоб все вокруг взбесилось урожаем,
активным ядом звоню подышав,
тогда взгляну лишь раз - и он горит...
Ах, Лада, Лада. Летчик молодой
не ведает, что бедствие творит.
Лови его любовью над водой.
Ему, конечно, место там, на дне.
Люби его, хотя бы пару дней.
Когда ж опять, мотором тарахтя,
он поползет по небу голубому,
ты снова позови его шутя
туда, где жизнь кончается любовью;
туда-туда, в метафору земли -
чему мы не придумали значенья -
одним лишь взглядом молча позови
к себе, на дно холодного теченья.
Тебе значенья нет - зато ты явь,
а он из мира слов, он весь придуман.
Пишу о нем значенье утая,
и в небе растворяется придурок.
Лиши нас слов - и мы всего лишимся;
лишаю имени его - как жизни.
Когда в душе настала благодать
и взгляд на горизонте защемило
так, что окрест уже не увидать

то, что прогресс и люди сочинили,
тогда от энтропии бытия
миры другие "Аза" не другое;
пространство, время, неть — все это я,
наследник голубой Идеи-Геи.
Как дарят муку страшную за Дар,
вручаю Ладе жизнь за красоту.
Живи, краса, от счастья зарыдав,
среди машин, и сплетен, и простуд.
А вон уже молодчик твой летит.
Ну, что ж — целуйся, если не противно.
Когда они куда-то улетев,
значенье слов в обмане потеряли,
я поклонился полдня красоте,
омыл лицо... а ты стояла рядом.
Бежали дети. Друг варил уху.
А ты с улыбкой кроткою вдыхала —
закрыв глаза рукой — черемуху,
как будто бы от смерти отдыхала.
Прости, читатель, — вот моя любовь,
что в мире слов реальнее значенья.
Ты счастлива. Живи. И бог с тобой.
Обнимемся в сей жизни "по-теченью",
и уплывем мы в город Ленинград —
в тот странный мир, где лишь в газетах правда.
Когда мой дух той правде не поверил,
метаморфозы первородный Храм
открыл во Тьму таинственные двери,
чтобы гордыня осознала срам.
И Люцифер усмешкой сатанинской
приветствовал смущение мое.
Его магистры завистью столицей
истаяли, оставив нас вдвоем.
Опальный ангел славой не сиял,
он рек: — Твое сомнение не полно.
Случалось, что проигрывал и я,
но нынче Свет — ни с чем. Ты это понял?

В борьбе за вас без крови и огня
я победил, внушив, что нет меня.
Когда неверьем веру победишь
и знаешь наперед все души точно,
ничем уже себе не угодишь.

Покой и власть. Но мне от скуки тошно.
Ужель у вас, потомков Аввакума,
никто в душе немножко не созрел?
Мне надо, чтобы кто-нибудь, ликуя
и зло кляня, перед людьми сгорел.
Неверье – вера, низшего порядка,
и потому – слабей высоких вер,
нам надо больше жертв для подзарядки,
нас греет ересь... ты вот, например, –
ты, говорят, поэт... иди туда
и объяви им гнев Стыда.

Когда я вспоминаю за столом
сейчас, владыки Ада монолог,
мне страшно – что молчал как остоянок
и нервничал от мыслей очень многих.
Но вам теперь не надо обвинять
меня за нерешительность такую –
куда важнее попросту понять
мою печаль и черную тоску.

Ведь это пик трагедии в поэме.

Пусть Сатана останется за кадром –
я не святоша, чтобы звать к войне,
не подстрекатель и не провокатор...
Так погружается сознание в усталость.
Да... Князя нет – но зло его осталось.

... И пришла Матерь наша к владыке Тьмы Земной. Князь
принял ее в окружении магистров черных лож. На внеочеред-
ном заседании обсуждался общий план новой столицы. Ма-
гистры, перебивая друг друга, спорили, кто из тщеславия,
кто от скуки, а кто по молодости и неопытности. Но все
уже давно было до мелочей продумано гениальными архитек-
торами, социологами, психологами... Бетон, асфальт, стек-

ло из камня, искусственный свет... Человек не найдет там и мышиной норки для уединения. Ведь в уединении он опасен: только в уединении он может озариться светом любви, вдохновиться на душевный подвиг и пойти на жертву ради освобождения от люциферовых пут невротического эгоизма.

Матерь наша подошла. И магистры ~~вспышки единения~~ расступились.

И вдруг карающий меч Смысла рассек тектонически своды Дворца, обжигая космическим холодом, он коснулся темени Люцифера. Разум владыки Ада был поражен Приказом.

И протянул Князь Тьмы Чашу Матери нашей. То была чаша искупления. Все Зло, накопленное человечеством за миллионы лет своей истории, все ехидны нетерпимости и эгоизма, вся гадость фанатизма и шовинизма, вся мерзость, которую, как вакцину, прививали магистры черных лож и их служители душам людей, - квинтесценция Зла зловеще сверкала на самом дне.

И приняла Чашу Матерь наша.

И грянул радостный крик "СВОБОДЕН!"

И потрясло изумленных землян огненное видение. Но лишь посвященные знали, что Люцифер навсегда покинул наш мир. Ибо он был ангелом Света и только исполнял Долг Зла, чтобы люди приняли, наконец, единственный высший Закон Бытия.

А Матерь наша совершила свой страшный подвиг, чтобы человечество осознало: нет для нас законов добра, потому что добро порождает зло; нет законов Любви, потому что любовь порождает ненависть; есть лишь один закон - Всетворящее Милосердие.

Когда на свете ты неправ один,
а правы только нети, тати, тьма -
не закрывай глаза, ведь мир един:
во времени, в тебе, и "от ума".

Уже на берегу реки костер
потух. Друг онемел. А дети тихо
подходят глядя на тебя в упор.

"О, безымянный! Но за что же их-то
опрыскал - промахнувшись иль шутя -
оранжевой активнейшей отравой?"
Они стоят, головками светясь...
Не закрывай глаза на эту правду.
Ты не один не прав. Ты не один!
В метаобмане сущий мир - един.

В мазутном зеркале воды -
свежайший труп русалочки.
Геройский труженик Беды
летит домой тщеславничать.
Мычи, тоски корова,
недоенно-негордая.
Дымящейся короной
грози природе город.
Ордою зацелована
природа бездыханно
во прахе бьет челом:
"О, МИЛОСТЬ БОГДЫХАНА!"

Когда пространство накреняясь
на волнах Времени опасно
и долго не меняет курс -
живот опустошают спазмы.
Сонливо-муторно вокруг.
Страшит история морская.
И трап непроходимо крут,
когда слабит болезнь мирская.

В квартире, где хрусталь да полировка,
знакомой каждому читателю до слез,
трагической реальности герои
для "правды" вздыхают дихлофос.
Под музыку органной пропаганды
они опрыскивают "ложность жизни".
Не надо их заученно ругать.

Вы их ругали, а они вам - "пшик".
Вы их учили, а они - на кнопку.
Вы их лечили... а они - всерьез.
Вы их любили: "миленькие клопики", -
и вот они вдыхают дихлофос.
В аэрозольном облаке сирени
явилась Матерь. Что произошло?!

Лик Сына человечески сереет...
Ужель реальность наша так тошнотна?!

Ужель и дети кущей не выносят?
Мы их встречали ведь во всеоружьи
наук, методик, правил... Крик! О, господи.
Открыл окно и вылетел наружу.

Как случилось, что мы - исчадье
и построили сущий Ад?

Наши дети познали счастье,
тараканий вдыхая яд!
Ядомания? СМЕРТОМАНИЯ!!!

Наши дети - сократы нам.
Эта секта пророков маленьких
откровение снов Иоанна.

Прямо в рай своего детсада
из окна, рукава раскинув,
смерть выбрасывает десант.

Ай-яй! Ласточки городские.
Слишком долго мы попирали
эти души для "чистых" кущей -
вот и будущее умирает
на асфальте среди живущих.

Весть из Завета пришла сюда:
"В КУЩАХ ВЫЖИВУТ ЛИШЬ МУТАНТЫ."
И с Повесткой того Стыда
дети первыми отлетают.

Матерь наша стоит
под дождем одиноко.

Ее образ таит
что-то жутко ИНОЕ.
Что, Пречистая, ждешь
в посеребренном облике?
И хочется сквозь дождь —
как в Чернобыле — облако.

.....

Бог атеиста — Боль Совести!
По небу — хлорная извесь!
Невмоготу в этом космосе!
Дух гигиены не вынести!
Господи! Будь милосерд —
дай кислород перед далью:
хватит балонов для всех,
кто еще здесь не бывал.
Господи... /мне ли просить
у Благодати пощады?
Вот задохнусь — не прости,
жив — хоть на часик прощай./

.....

Проснулся я. Да, крыша гроба. — Руки
взломали доски, и — озноб по коже
/в пустом пространстве, как в театре Брука
гипнозинации реальны тоже/;
отчаянно на помощь призывая,
я встать пытался, глину разрывая...
И встал. Как ярок этот зимний свет!
Как воздух свеж! — Эгей! — Вокруг могилы
нет никого, одной поземки след.
Мороз — а у меня опять ангина.
Знакомо кладбище... там электричка.
Скорей домой. Скорей в тепле укрыться.
Бегу. Сугробы. Мертвый лес торчит.
Что здесь пока я не был натворили?
И страшное предчувствие горчит:
один... Не бред? Один? В неповторимом?
Там, где остались... Нет! Очнись же. Нет!!!

Я умирал на несколько лишь лет.
Селенье спит под снежной пеленой.
Куда же делось мира населенье?
Как глупо быть, когда оголено
грядущее – а небо все синеет.
Вот результат последнего Салюта –
мы долго воевали с Абсолютом.
Ни зимних птиц, ни мошек на снегу –
все ж допытали Правду Бытия! –
кому теперь сознанье сберегу?
Кому нужна бессмертная моя?!
А Смысл где? Наверное, и он
покинул Землю после Правды бомб.
Куда идти, где некого обнять,
и что могу без женщины, без Жизни?
Построить капище, чтобы опять
за человека небу побожиться?
Но Жизни нет. Живых для Жертвы нет.
Бегущий труп – последняя из жертв.

Часть четвертая

СЕЙЧАС

/симфония/

Всем идущим со словом в атаку
ради храма "Спас на крови"
разорвут хоботочки танков
одуванчики спелой любви.

Чужую грусть леченьем не замай:
кто загрустил сейчас, тот лучший мир знал,
где даже боль — сигнал опасности и зла —
озарена святой лбовью к знанию.

Кто не любил любовь — еще не ограничен,
он словно "вещь в себе" реальным ограничен;
ощерившись в пещерном активизме,
духовной пище он с рычанием дивится.

Кто не знал печаль — воистину блажен
и в данности своей благополучен,
но смысл бытия ему не постижен:
"Как может дар слезы быть дара счастья лучше?"

Мир, где горит слеза, не отворен.

Но скнили ставни там, запоры проржавели.
И сотрясает жизнь ракетно-звездный рев —
то новый Человек летит вдогонку веры.

Кто в жизни никого не погубил,
 тот не достоин славы и награды,
 но в мире, ожидающем любви —
 о, слава богу — этого не надо.
 Я в будущем живу. И я спокоен.
 Сума и боль всегда мне по плечу.
 Но снится, снится: стиснутый тоскою
 я просыпаюсь, зная, что кричу...
 А крика нет. Минутная немота.

Окрестною исторгнут глухотой,
бегу из дома — тяжкая зевота,
бегу домой — а он еще не тот.
Как протяжен я. Сон все длится, длится.
И кажется, что бесконечна грусть.
И странно, что на самых близких лицах
я путаюсь и поминутно рвусь.
И связыва нить судьбы на память,
и тку ночами полотно из праха —
его не хватит голому на платье,
а мне давно нужна уже рубаха.
Не тем — о, жизнь! — ты мне непостижима,
что нет ответа на вопрос любой,
а этой Простотой неотторжимой,
что стихотворно веет над тобой.
Не с тем пришел я в муть глухонемую,
чтобы кричать в глубокие сердца,
а с тем, чтоб трясогузку боевую
и летний полдень видеть до конца.
И счастлив я, что, как китаец Сыма,
люблю: когда ночное небо чисто, —
я был спокоен, если голосила
кошмарным сном разбуженная птица.
Всё — потому, что в этом мире странном
и жизнь и смерть объятия сплели —
весенней оргией восторженные травы
зовут нас всех из плачущей земли.
Не тем — о, жизнь! — непостижима ты,
что нет ответа на вопрос любой,
а тем, что в катастрофе Простоты
я и на миг не дорожу тобой.

Или плачет кто? Или песню врет?
Чей-то глас в夜里 мое сердце рвет.
Чья душа не спит? И о чем она —
от всеобщего сна отлученная?
Что же мается так безутешная?

Ведь в бессоннице – как без Отечества.
Успокойся, моя дорогая:
есть, наверное, жизнь другая.

Что наша жизнь? – вода, вода...
И, черная чем ни попало
из моря сладкого Беда,
как любим мы свои забавы.
Что наша жизнь, когда вокруг
космически похолодало? –
но не поднять прибитых рук,
а ты такая молодая!..

Как много потерять нам надо,
чтобы однажды обрести
березовую колоннаду
и стрекозиний зуд в горсти.
И в Судный день, когда слезами
тебя признала Тишина,
когда в сирени за вязаньем
ждет благовещенья жена,
услышь великий гимн шмелиний
и в духоте цветущих трав
доверясь мудрости эмейной
"ты не спокоен – ты НЕПРАВ."

Признаю лишь разбой соловьев
в мире, где так беззащитны мы.
Да светится солнце твое,
желтых одуванчиков мир.
Как бросаются на амбразуру,
ухожу из жизни заученной
прочитать за барьером звука
партитуру неба полуночи:
"Не надо умирать. Не надо
кормить с руки осатаневших мух.
Святое утро воскурило ладан

в приходе кленов, бузины, черемух...
Но даже в мае умирать не надо,
пока собой ты не был ни минуты,
пока случайных истин миллиарды
твой оскорбленный разум не минуют.
Пока в быту угромых превращений
ты точишь юмор, словно нож мясничий,
для ваврварских автографов "МЫСЛТЕЛЬ",
ты у себя не вымолишь прощенья.
Не умирай, пока в саду сиреневом
не встретил женщину — как грустную Вселенную."

...Какие беспредельности покинув
аллегро набежал в концертный зал?..
И новый вал надеждами благими
упал — и помутилось все в глазах.
Озлобленно вонзив худые пальцы
в пасть клавишей, мертвящий наврастеник
откинулся на стульчике растерянно —
рояль вскричал разгневанно, как пастырь!
Неслыханная музыка разрухи
под хряст колесования старинный
дрожащие выламывала руки
и неожиданно... как дымка... растворилась.
Проклятая! Торжественная власть!
Зачем же ты была и не сбылась?

"Что случилось с моим народом?
Материк, опускаясь в воду,
и летящие к югу птицы
так же стонут и бога кличут,
и стою я — уже обезличен,
словно страх не со мной случится.
Что случилось с моим народом?
Расступились событий воды,
и по самому в мире черному,
утопая в багровом иле, —
дай-то бог, чтобы кто-то вывел —

он уходит в зарю вечернюю.
Что случилось с моим народом?
За последним сомкнулись воды.
Лишь мигает ковчег заветный,
освещая им путь вночи.
Нету сил... И кричи-не кричи:
пусто, шепчет песками ветер.
Что случилось с моим народом?
Вижу только пустые воды.
А над ними такие звезды,
и такая повсюду тьма,
что уж лучше сойти с ума.
Но спасают покуда слезы.
Что случилось с моим народом?
Что случилось с моим народом?
Добежали ли за вождями
до веки обетованной?
Я сползаю... - Очнись, товарищ!
Подними... и прибей гвоздями."

.....

Что за странные виражи
жизнь закладывает настырно?
Были ночи мои свежи,
как в Аравии для пустынника.
Были звезды на вечном месте.
Дни бежали... потом вернулись.
И тогда я услышал мессу,
от которой пространство свернулось:

"Жизнь - это Рай;
Рай - это Сон;
Сон - это Смерть;
Смерть - это Страх;
Страх - это Ад;
Ад - это Жизнь..."

.....

Не дай мне, Смысл всемогущий,
последний узел развязать.

Не дай во тще среди живущих
свою бессовестность познать.

Не дай мне, Родина, покоя,
пока собою не отищен,
когда сквозит в груди такою
от века гнойной — как свищом.

.....
Откину штору плотную на окнах,
последний подвиг ясности творя, —
такая ночь во лбу рождает око,
и все миры со мною говорят.

Мне смерть свою познать не суждено,
но знаю, что душа моя, созрев,
сама искупит первородный грех —
как умирает по весне зерно.

В метаморфозах отраженной яви,
о, Смысл! — как тебя я ревновал,
когда из праха Торжество ваяя,
как зеркала стихи полировал.

Но в них не то, и глупо сердце радо,
что в них не то, не то ты отразил,
что гордый ум мой мог сообразить,
и месть твоя — моей душе отрада.

Покоя нет? Однако я спокоен.

В моем расцвете светится печаль.

И от веков заветных испокон
за все, за все отныне отвечаю.

Свободен я? Да. Наконец, свободен.
Объявили сокровенное ОНО.

Ни князи Мира и ни черный орден
не властствуют отныне надо мней.

.....
Поднялся ветер. И, пугая,
стучит в окно мне спелой вишней...

Звучи, последняя тугая,
растянутая — аж не слышно.

Вы три струны перепилили,

три ослепительных струны, —
ни бог, ни бес, ни Паганини —
душа играет для страны.
На вечной скрипке бытия
для затихающего зала
играю, что другим нельзя:
"Жизнь со слезами на глазах".
Звучи, мелодия любви —
финал трагедии познанья.
Как струны рваные мои
под ногти иглами вонзались!
Но музыка была и будет.

.....

Рожден я под "Весами".
Зашитник мой — алмаз.
Простите, что не с вами
творил я свой намаз.
Рожденный в равновесье
с душой наикрепчайшей,
я — старше, чем ровесник,
ибо любил все чаще.
Не избранный, а равный
букашке и звезде —
я ослепился рано
сиянием везде.
И, Болью осиянный
дивился небесам.
А небеса смеялись:
Ты нам сияешь сам."
Не первый я — последний...
в сияющей плеяде.
Я думал, что наследник
собратиям приятен.
Рожден я под "Весами".
Зашитник мой — алмаз.
Простите, что не с вами
творю я свой намаз.

...

ТРАНС-ПОЭТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Мудрец, которому я обычно доверял, однажды сказал мне, что "фарисеи и книжники похитили ключи от знаний". Как честный человек, узнав об этом, я, естественно, ужасно возмутился: ведь мало того, что воровать - это плохо, но и... обокрали-то МЕНЯ!

Мудрец сказал и пошел дальше, а я бросился искать фарисеев и книжников. "Негодяи! - кричал я, - Ведь знают же, что я и так уже ничего не имею: ни кола, ни двора, ни даже штампа в паспорте о прописке... - последнее, что оставалось... Обокрасть нищего! Да вы хуже мафии Рашидова! Хуже культа Сталина! Хуже самого..." Так я кричал и все бежал, бежал куда-то... пока не понял, что давным-давно сижу где-то в углу какой-то комнаты и даже со стороны электрической лампочки покрылся лаком. Гляжу: подходит молодая, красивая женщина и, привычно, как с мебели, стирает с меня пыль. Спрашиваю ее недоуменно:

- Ты кто?

- Как это кто? - возмущается она. - Совсем от своей писаницы шизанулся? Я твоя жена.

- А это? - и показываю на спящего очаровательного ребенка.

- Твоя дочь...

Интересно, согласитесь, все-таки жить, хотя и страшно, и понятно: что, как, почему, где, таким образом? Думал: бегу-бегу, а оказывается давно сижу, как - извиняюсь - мыслитель какой-то. Ахинея? Или что-нибудь другое? Что же это было со мной? Что же случилось со всеми нами?

А было то, что знающие люди называют безвременьем, или вечностью, - в общем, чудовищное испытание.

Ко мне зашел на днях один древний индус; помолчали мы с ним для приличия день-другой, и тут решил он вдруг показать свою нирвану. А я ему: "Будда, покажи мне лучше свою душу". И задумался еще на день, а потом выразительно так посмотрел: ол, нельзя, душа - это Браhma, то есть все-все-все. Тогда я вынул из груди и подал ему малюсенький, как слезинка, чистый яющий кристаллик. Будда коснулся этим кристалликом своей

алмазной сутры — и та рассыпалась в прах.

... Дорогие мои соотечественники. Я тоже раньше думал, что уже давным-давно умер. А потом, когда фантастически тяжелая пирамида духовного подавления стала, треща, разваливаться, я вдруг понял, что еще жив, но тогда в очередной раз перепугался, не найдя сразу в себе души...

Дорогие мои соотечественники, передаю вам низкий поклон от Будды; он восхищен невиданным качеством наших душ.

А мудрый человек, с которого у меня все началось... мы встретились недавно и, улыбнувшись, я сказал ему "ДА". Он был в тот момент счастлив: ведь слово "ДА" — ключ от всех знаний, фарисеи и книжники остались в дураках, то есть у закрытых для них дверей своих знаний. И черт с ними!

Простите мне совет те, кто думает, что они омертвили, или те, кто никак не найдет в себе свою душу. Ожить и воодушевиться просто. Нужно только уединиться, успокоиться, забыть о всякой ерунде, расслабиться, осознать, что жизнь всегда происходит только сейчас, ласково улыбнуться всему сущему и тихо произнести заветное "ДА".

Вся метафория говорит только об одном, и состоит из пяти частей, каждая из которых имеет свой независимый центр сущности. Это как бы разномасштабные бесконечности, но всё и плюс множество других, присутствуют в любой части. Так как я человек глубоко верующий в Простоту, то для меня самого было понятно, что первая часть "Тогда" — миф (она не имеет временных характеристик); вторая — "Всегда" — эпос (время там вымышленное, придуманное, научно обоснованное); третья — "Когда-Нигогда" — трагедия (время социально уточняется, герой получает персонифицированные идеи, а всем руководит зловещий рок-ритм распада); четвертая — "Сейчас" — симфония (попытка созвучия героя с явью); пятая — "Точка Всего" — сказка (в ней дается объяснение Единственного Истинного Закона). Заканчивается метафория (думаю, теперь понятно, почему "мета") как бы шестой нотой — "Вечный Завет." Определять жанр этой части было бы глупо, да это и не часть, а просто конец метафории.

Мне могут сказать, что нотная гамма имеет не шесть, а семь знаков, но ноту "До" я не знаю — только после.

Спасибо тем, кто осознал, что вопреки жизни не умер.
Спасибо тем, кто нашел в себе точку сущности – Алмаз чистой слезы.

Спасибо, читатель, что ты есть.

А.Назин

ВЕЧНЫЙ ЗАВЕТ.

Жизнь – это Рай. Не затвори ее
гордыней, знанием, словцом.
Жизнь – это Явь неповторимая
с благожелательным лицом.
Твори в ответ благодарение
за каждый миг, за каждый день.
Живи – как яви повторение
бликует летом на воде
Иконнорусскозаоконноо
прознает лишь кристальный ум...
и в Яви заумь колокольная
вся отзовется на "Ау".
–Ау, мой май!.. – за Домом творчества,
где Дух столбит из туч лучом
озимых зелень непорочную,
там жизнь ликует ни о чем.
Тот миг никак не называется.
И лишь в неназванности то,
что разом "азом" отзывается,
как в женщине истомы стон.
–Ау, мой миг!.. – волною Времени –
наверх – аж захватило дух –
взлетаю из весенней прели
с движеньем Сущего в ладу.
В покое полного сознания –
что все во мне и все есть я –
органной фугой осязания
вселенский Храм оповестя
о со-Творении мелодии
"О Вечной Славе Торжества"...
и, вскрикнув, скворушка молоденький
с восторгом... выпал из гнезда.
Ах, дурачок ты мой взъерошенный.
Забылся в песне молодой?
Пахучей желтеевкой дорожкою
струится дань его в ладонь.

Мой милый мальчик, серый скворушка,
похожи пенье и полет:

корда дрожит от счастья горлышико —
опора под тобой плывет.

Хватайся, глупенький, за веточку,
а тс ты всех перепугал;
полету, как и Песне Вечности,
учиться надо по слогам.

Запомни: "Аз".

-Ачъ, ать, тлься?

-Почетче: "Аааэ".

-Чуриль, чивирль?

-Не верь, дурашка, в "чудеса",
"рай" человеческий — червивее.

От гнили червеизобилия... —
к Завету Вечному Глубин

взытай,

что любим

и

любимо.

всему со-Гласны

по любви...

.....